

ГЛУБИНА ОЦЕНОК И ЧЕТКОСТЬ КРИТЕРИЕВ

ХОЧЕТСЯ сказать несколько слов о книге Бориса Панкина «Строгая литература», которая глубоко взволновала меня. Автор сумел соединить в своем исследовании глубину и определенность в оценке отдельных произведений с высокой степенью обобщения, ему удалось не только проанализировать ряд конкретных явлений нашей литературы, но и выявить тенденции, характерные для литературного процесса в целом. При этом, как я заметил, он руководствуется не расплывчатыми субъективными представлениями о том, что хорошо и что плохо, — чем, кстати, грешат некоторые авторы современных критических эссе, — а четкими критериями, выработанными на базе марксистско-ленинской методологии.

Критерии эти необычайно высоки. «Строгой критикой» хотелось бы назвать эту книгу. По мысли автора, ничто не может служить оправданием идейной и художественной слабости, и он строго взыскивает с писателей за их неудачи.

Хочу заметить, что автор анализирует произведения тех прозаиков и драматургов, которые сейчас особенно популярны: у массового читателя, — В. Шукшина, Ю. Трифонова, В. Распутина, Ч. Айтматова, Ф. Абрамова, В. Тендрякова, Д. Гранина. Он рассматривает не только их несомненные достоинства — а они уже не раз оценены нашей критикой, — но и глубину их социального и нравственного содержания. Произведение литературы не только самоценно, оно есть общественное явление, оказывающее немалое воздействие на нашу жизнь — общественную и личную. Именно связь с действительностью, с жизненными процессами, с практикой коммунистического строительства жива советская литература. Правильно делает Б. Панкин, постоянно поверяя то, что создано писателями, жизнью.

Особое место занимает в работе Б. Панкина вопрос о литературных направлениях. Автор подходит к этому вопросу здраво, «не отрицая

факта их существования, но и не абсолютизируя его». «Направление» для Б. Панкина — «рабочая формула», методологический ключ к анализу многообразных явлений литературы, а не мертвая историко-литературная схема. Да, действительно, считает он, в нашей литературе существует и пользуется популярностью читателей и вниманием критики «деревенская проза», существует «городская повесть», существует, условно говоря, «производственная пьеса». Все это так, но, во-первых, у представителей разных направлений много общего, хотя бы то, что они создают свои произведения на плодотворной почве социалистического реализма; во-вторых, ни один из этих представителей не уместится в тех тесных рамках, которые публика для него установила, причем, чем значительнее творец и, на первый взгляд, «характернее» для своего направления, тем труднее он в него вписывается; в-третьих, в центре внимания писателей каждого из этих направлений — человек социалистического общества.

В связи с этим интересен вопрос о новом соотношении личного и общественного, проявившемся в советской литературе последних лет. «Сама сфера личного и общественного в социалистическом государстве, поднявшем в своем развитии неисчислимые массы народа, «простого люда» к знаниям, свету, общественной активности, необыкновенно расширилась и в конечном счете слилась со сферой общественного бытия человека, с тем, что корнями своими уходит в труд, в работу, в службу, в учение...» И это, как мне кажется, еще один ключ, без которого невозможно понять современного положительного героя, созданного нашей литературой.

Много еще можно было бы говорить о книге Б. Панкина. В заключение хочется отметить, что высоким признанием достоинств книги стало выдвижение ее на соискание Государственной премии 1982 года.

С. ТУЛИЦЫН,
учитель

ВОРОНЕЖ

Литературная газета
Г. Москва

8 СЕН 1982